

Э. М. ШУСТОРОВИЧ

**ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД
ХРОНИКИ ИОАННА МАЛАЛЫ
(История изучения)**

Хроника как особый вид историко-литературного произведения возникла еще в античную эпоху и, пройдя долгий и сложный путь развития, достигла своего расцвета в средневековой Византии. Именно здесь, на почве христианства и остатков эллинистических традиций, в условиях сложного и противоречивого переплетения разных культур, хроника окончательно оформилась как особый литературный жанр, который затем, благодаря переводам и подражаниям, получил необычайно широкое распространение как в Древней Руси, так и в средневековой Европе.

Византийские хроники имеют ряд характерных особенностей повествования и литературного оформления. Как правило, они не ограничиваются рамками какой-либо одной эпохи, одного исторического этапа, а претендуют на изложение мировой истории, разумеется, в объеме, доступном хронистам того времени.

Хроника обычно начинается от сотворения мира и заканчивается современными автору событиями. Поэтому хронисты использовали самые различные, очень пестрые по ценности, составу и идейно-философскому содержанию источники.

Первое место среди источников византийских хроник занимала, естественно, Библия (как история еврейского народа, среди которого родилось христианство), а также творения отцов церкви (особенно «Шестоднев» Василия Великого, произведения Григория Назианзинского, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Афанасия, Феодорита и др.). Значительно меньше внимания уделялось истории Греции, Рима, Египта и других народов. Использовали составители хроник и труды историков древнего мира (Плиния, Тита Ливия, Геродота, Иосифа Флавия и др.) и раннего средневековья (Секста Юлия Африкана, «Церковную Историю» Евсевия Памфилийского), богатую апокрифическую литературу, сочинения античных философов, поэтов и писателей, античные мифы и, наконец, местные народные предания. Далеко не все эти источники были одинаково авторитетны и популярны у разных хронистов. Общеизвестными, конечно, были творения отцов церкви и священное писание.

В основе философской концепции хроники лежит обычно идея о провидении и предопределении, тесно переплетавшаяся с идеей непрерывного всемирно-исторического процесса, постоянного развития и совершенствования человеческого общества (как путь от язычества к христианству). Сравнительно с историческими сочинениями античности, такое, хотя и ограниченное эсхатологией, осмысление истории человечества, было новым для хроники как историко-беллетристического жанра.

По форме византийская хроника меньше всего напоминает ученый исторический трактат — она скорее может быть названа популярной книгой для чтения на исторические темы. Авторы хроник никогда не забывают о занимательности и часто останавливаются на незначительных событиях, которые, на их взгляд, поучительны или интересны в чисто литературном смысле, и опускают, напротив, события важные, если не находят в них ничего занимательного. Отрывки различных источников часто соединялись механически. Отсюда характерная для хроник пестрота и повторы. Однако обилие, разнообразие сведений и занимательность изложения создали популярность этому литературно-историческому жанру.

Трудно переоценить значение хроник в культурной жизни западноевропейского и русского средневековья. Здесь не место говорить о их влиянии на европейскую культуру той поры, но сведения об античном мире и Ближнем Востоке средневековая Европа (вплоть до эпохи Возрождения) черпала в основном из этих хроник.

Несомненно большое историческое значение византийских хроник в развитии культуры Древней Руси. Из них древнерусский читатель узнавал о жизни других народов и государств, прежде всего — о самой Византии, с которой Древняя Русь была связана с незапамятных времен. Хроники были своего рода связующим звеном, которое соединяло Древнюю Русь со всем остальным «дохристианским» и современным ей миром. Они не только приобщали древнерусского читателя к сокровищам мировой мысли и мировой культуры, но и помогали ему осознать себя как народ, историю Руси в связи с мировой историей.

Одной из таких хроник и была хроника Иоанна Малалы. Она написана в целом на тех же принципах, что и другие византийские хроники. Однако среди всех произведений этого жанра она занимает особое место. В ней сделана попытка объединить изложение событий из библейской и церковной истории с событиями истории дохристианской, языческой, в первую очередь античной. Эта задача отразилась прежде всего на выборе материала. В хронике Малалы сравнительно мало выдержек из христианских сочинений, редко цитируются отцы церкви и богословы, почти не встречаются сложные теологические рассуждения, столь типичные, например, для Георгия Амартола. Основную ткань текста, особенно первых девяти книг, составляет пересказ легенд древней Греции и древнего Рима с отголосками мифологии Египта и древнего Востока. Все эти сведения тесно переплетены. Здесь трудно ожидать какой-либо исторической или даже литературно-мифологической достоверности. Египетские, греческие и библейские легенды перемешались в сознании автора; герои, разделенные временем и пространством, становятся у него родственниками и современниками, хронология нарушена: Кронос назван внуком Сима (т. е. правнуком Ноя), Семирамида — женой Кроноса, Геракл — современником библейского Иакова и т. п. Однако причина этого не только в слабых познаниях в античной мифологии, но частью — и в стремлении автора связать воедино библейскую и античную историко-мифологическую традицию, осмыслить прошлое как всемирно-исторический процесс.

Сведения об Иоанне Малале, или Иоанне Риторе из Великой Антиохии, крайне скудны. Все, что мы знаем о нем, заключено в его хронике или ее отрывках, сохранившихся в сочинениях других византийских писателей. Его сирийское прозвище «Малала» (*Μαλάλας* или *Μαλέλας* — от сирийского *malela- rīṭor*), т. е. «ритор», «оратор», указывает на то, что он жил в Сирии, где и был ритором.

Единого мнения о личности Малалы до сих пор нет. В разное время его отождествляли с различными византийскими деятелями. Ныне его принято считать современником императоров Юстина I и Юстиниана I. Единственная греческая рукопись хроники Иоанна Малалы оканчивается 563 годом. Однако неоднократно высказывались предположения, что Хроника

продолжалась до смерти Юстиниана I, т. е. до 565 г. Иначе говоря, время жизни Иоанна Малалы приурочивают к первым двум третям VI в.

Греческий текст Хроники дошел в единственном списке, хранящемся в Оксфорде¹. Текст по этой рукописи впервые был издан Гумфредом Годием в Оксфорде с комментарием и латинским переводом², затем переиздан без изменений в Венеции³ и, наконец, перепечатан в «Боннском корпусе»⁴. Греческий список не отличается полнотой и сохранностью. Так, в нем полностью отсутствует первая глава и часть второй главы (текст начинается словами: «после смерти Гефеста Египтом правил сын его Гелиос»⁵), довольно много пропусков и сокращений и в других главах.

Позднее были найдены еще некоторые фрагменты, которые, однако, для восстановления первоначального текста дали очень мало. Наиболее интересные и значительные среди них: Тускуланские фрагменты⁶, отрывки из рукописей Парижской национальной библиотеки № 1336⁷ и № 1630⁸ и из Эскуриальской рукописи⁹. Кроме того, нужно упомянуть так называемую «Пасхальную хронику»¹⁰, в которой встречаются многочисленные выдержки из Малалы, и рукопись Парижской национальной библиотеки № 682¹¹, которая сохранила греческий текст первой главы Хроники.

Славянский перевод Хроники Малалы в отдельном списке не сохранился. Она дошла в составе различных сводов, где текст Малалы тесно переплетается с текстами других переводных хроник, и таких крупных произведений, как «Александрия», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Иосиппон» и др., а также с отрывками из ветхозаветных книг и апокрифов и с глоссами древнерусского происхождения.

Отсутствие отдельного списка Хроники породило предположение, что такого списка вообще не существовало и что Хроника была занесена на Русь уже в составе тех или иных сводов.

Среди памятников и списков, которые сохранили сочинение Иоанна из Великой Антиохии, прежде всего нужно назвать «Еллинский и Римский летописец» в обеих его редакциях. Это всемирно-исторический свод, возникший уже на древнерусской почве и состоящий из хроник Малалы и Георгия Амартола, тесно переплетающихся между собой, а также с отрывками из «Александрии», из «Иудейской войны» Иосифа Флавия и некоторых других произведений древности. Нужно отметить, что текст Хроники Малалы в составе «Еллинского летописца» I редакции отличается наибольшей полнотой и сохранностью. Именно эта редакция сохранила полностью или частично почти все книги Хроники.

В настоящее время за основные списки Летописца приняты следующие: I редакция — Синодальный список № 280, начало XVI в. (ГИМ), Погодинский список № 1437, XVI в. (ГПБ); II редакция — Синодальный список № 86, XVI в. (ГИМ), представляющий собой продолжение Кирилло-Белозерского списка № 1(6), XVI в. (ГПБ); Чудовский список № 51/353, XVI в. (ГИМ), Пискаревский (Румянцевский) № 597, 1485 г. (ГБЛ),

¹ Bodl. Baroccianus 182 (S. XI) f. 1—331v.

² Joannis Antiocheni cognomento Malalae historia chronica, ed. E. Chilmeadus. Oxonii, 1691.

³ Joannis Antiocheni Malalae historia chronica — «Corpus Byzantinae Historiae». Venetis, 1733.

⁴ Joannis Malalae Chronographia, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831.

⁵ Ibid., p. 23.

⁶ A. Mai. De fragmentis historicis tusculanis.—Spicilegium Romanum, II. Romae, 1839.

⁷ J. A. Gramer. Anecdota Graeca, II. Oxonii, 1839.

⁸ C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum, IV. Paris, 1851, p. 531—538.

⁹ Th. Mommsen. Bruchstücke des Johannes von Antiochia und des Johannes Malalas.—«Hermes», VI, 1872, S. 223—283.

¹⁰ Chronicon Paschalaе, rec. L. Dindorf, I—II. Bonnae, 1832.

¹¹ Paris, suppl. 682 (S.X) f. 9—22. Подробное перечисление всех греческих фрагментов, а также переводов Хроники Иоанна Малалы см.: G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 330—331.

Толстовский, Ф. IV. 91 (старый шифр: Толст., отд. I, № 319), XVI в. (ГПБ), Софийский № 1520, XVI в. (ГПБ).

Кроме того, первые десять книг Хроники вошли в состав «Архивского» и «Виленского» хронографов. Первый хранится в ЦГАДА в Москве под № 279—658 (рукопись конца XV — начала XVI в.), второй — в Библиотеке Академии наук Литовской ССР, в г. Вильнюсе [рукопись № 109 (147), XVI в.].

В рукописи Хронографа бывшей Софийской библиотеки — № 1454, XVI в. (ГПБ), сохранилась в сокращенном виде X книга Хроники, которая представляет значительный интерес, ибо в ней встречаются места, отсутствующие во всех других русских списках и имеющие соответствия с текстом Оксфордской рукописи. К тому же Софийский хронограф — единственная русская рукопись, в которой находятся отрывки XI и XII книг.

Хроника Малалы в славянском переводе состоит из вступления и 18 книг, которые сохранились далеко не одинаково. В наиболее полном виде дошли I, II, IV—VII; книги VIII и IX сохранились несколько хуже — в «Софийском хронографе» читаются лишь скудные остатки этих книг. От III книги осталось всего два небольших отрывка: один в «Еллинском летописце» по Син. списку № 280 (I ред.) и второй в так называемом «Тихохрановском хронографе» [Палея особого состава — ф. 299, № 704, XVI в. (ГБЛ)]. От XI и XII книг дошло по одному маленькому отрывку. Книги X и XV—XVIII сохранились лишь частично. Иными словами, мы имеем в настоящее время отнюдь не полное представление о содержании Хроники.

В «Архивском хронографе» сохранилось заглавие Хроники, которое, вероятно, восходит к первоначальному списку перевода: «Изложение Иоанна бывшего от Антиохийского великого града Сирия Малыя о летех миру; зело добро, мно, еже вкратце сказати куюждо главизну повести, юже Моисеом хронографом поведаемы суть, и Африканом и Евсевием Панфиловым, и Паусанием, и Дидумом, и Феофилом, и Климьянтом, и Дидором, и Домнионом, и Еустафием и иных много трудившихся хронографъ, и историк, и творец. Сказати и мне по истине случившаяся вчясти и в лета царь, вшедша в уши мои, глаголю убо от царства Зинопия и потом царствовавших. Лепо же си иже будет по мне списати, яже по сем благодати деля оказаша, убо прежде писавшей мирское бытие сице суще»¹². В пользу ранней датировки заглавия и следующего за ним вступления говорит тот факт, что слово «хронографъ» в значении исторического сочинения в Древней Руси было редким. Греческое слово «хроника» переводилось древнерусскими книжниками ранней поры как «повести временные», «книги временныя», а также различными синонимами в значении «рассказ», «повесть», «изложение». Слово же «хронографъ» чаще означало в это время человека, написавшего хронику, т. е. «хрониста».

Действительно, в приведенном выше тексте переводчик Малалы называет труд греческого хрониста «изложением», хроники других авторов, послужившие Малале источниками — «повестями», а их авторов — «хронографами». Интересно, что составитель «Еллинского летописца» I редакции, постоянно называя Малалу эллинским хронографом (хронистом), в одном месте поясняет: «Еллиньский хронографъ, сиречь летописецъ» (Син. № 280, л. 6 об.).

Однако вступление важно не только потому, что оно сохранило черты древнего перевода, но и потому, что в единственной наиболее сохранной Оксфордской рукописи эта часть текста утрачена и древнеславянский перевод вместе с рукописью № 682 Парижской национальной библиотеки позволяет ее восстановить.

¹² В. И с т р и н. Первая книга Хроники Иоанна Малалы. — «Записки АН», серия VIII, т. 1, № 3. СПб., 1897, стр. 5.

Хроника Малалы пользовалась в древней Руси большой популярностью. Доступная для простого читателя, она была одним из наиболее полных на Руси источников сведений об античном мире. Отрывки из нее вошли почти во все исторические своды, сборники поучительного характера («Толковая палая»), различные литературные произведения («Моление Даниила Заточника»). Этот факт говорит против широко утвердившегося мнения Н. К. Гудзия относительно малой известности Хроники в древней Руси. «Причиной малого распространения на Руси этой Хроники, — пишет ученый, — было значительное количество в ней языческого, фантастически-легендарного, светского материала, отразившего античную и восточную мифологию, и сравнительная бедность ее сведениями по церковной истории»¹³. Языческий, античный материал хроники получил у ее составителя церковное, христианско-ортодоксальное освещение; явная антиязыческая направленность произведения могла скорее способствовать, а не препятствовать распространению хроники, особенно в первые века христианизации Русского государства.

Отсутствие отдельного списка Хроники, по-видимому, объясняется тем, что текст ее довольно рано попал в состав различных памятников, сросся с их тканью, стал их неотъемлемой частью — и необходимость в самостоятельном списке отпала. Однако, как бы то ни было, интерес к произведению проповедника из Антиохии был поистине велик, о чем свидетельствует довольно большое количество отрывков Хроники, дошедших в составе многих сборников. Ее текст имел, видимо, литературное хождение вплоть до XVIII в., когда с умножением новой научной и исторической литературы Малала, наконец, был забыт.

Изучение славянского перевода Хроники Малалы началось в середине прошлого столетия, когда появились работы М. А. Оболенского и А. Н. Попова. Уже в самом начале возникли вопросы, многие из которых не решены до сих пор. В их числе следует назвать следующие: 1) о времени и месте выполнения перевода Хроники; 2) о первоначальном составе списка — был ли это отдельный текст перевода или творение Малалы пришло на Русь уже в составе тех или иных сводов; 3) относятся ли текст русского перевода и текст Оксфордской рукописи к общей редакции или славянский перевод восходит к особой редакции греческого текста; 4) о влиянии Хроники Малалы на русское летописание и т. д.

Первым обратил внимание на славянский перевод Хроники Иоанна Малалы М. А. Оболенский, открывший забытый памятник в тексте «Летописца Переяславля Суздальского»¹⁴. Ученый предпринял первую попытку отделить текст Хроники в составе «Архивского хронографа» от сопутствующих ему фрагментов и, таким образом, наметил пути к реконструкции перевода. Он же первый заметил, что в славянском переводе сохранилась I книга, которой нет в Оксфордской рукописи¹⁵.

М. А. Оболенский обнаружил в славянском переводе ряд других дополнений по сравнению с греческой рукописью. Правда, большинство из них он считает вставками, которые идут не от греческого оригинала, а были внесены на славянской почве.

Основываясь на именах славянских языческих богов, которыми переводчик заменил имена богов древнегреческого пантеона (Перун, Сварог, Сварожич, Дажьбог), Оболенский пришел к выводу, что перевод «неоспоримо должно отнести... к началу X века, когда языческие верования в славянском народонаселении были живы и еще свежи»¹⁶. Приписку пресви-

¹³ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1956, стр. 39.

¹⁴ М. А. Оболенский. Летописец Переяславля Суздальского. «Временник имп. Моск. общества истории и древностей российских», т. IX. М., 1851, стр. I—C

¹⁵ Там же, стр. XIV.

¹⁶ Там же, стр. XVI. j

тера Григория после IV книги Хроники: «книги завета божия ветхаго, сказующе образы нового завета, истину сущу, переложенныя от греческаго языка на славенский при князи Болгарыстем Симеоне, сыне Бориши Григорием презвитером мнихом» — исследователь счел надежным свидетельством того, что перевод был выполнен самим Григорием в Болгарии при царе Симеоне.

Имена славянских языческих богов, по мнению Оболенского, были заимствованы русским переписчиком уже из болгарского перевода X в. Оболенский отметил и проникновение в текст хроники литовской мифологии в рассказе о Совии, что свидетельствует о западнорусском происхождении рукописи. Найдя сходное место в Ипатьевской летописи, он предположил, что оно заимствовано из славянского перевода Малалы. В задачи ученого не входило всестороннее изучение Хроники, однако он затронул многие вопросы, которые в дальнейшем вызвали бурные споры и решение которых зачастую не найдено и поныне.

Работа Оболенского ввела славянский перевод Малалы в круг научных интересов русских и западноевропейских ученых. С этого времени при изучении Хроники неизменно обращаются и к ее древнему переводу, сохранившемуся в древнерусских рукописях.

Для продолжения работы над Хроникой нужно было прежде всего собрать воедино разбросанный по разным сводам текст, освободив его от вставок и дополнений, и осуществить кропотливую текстологическую работу.

В 1852 г. А. Е. Викторов приступил к сличению славянского перевода Хроники по рукописям «Архивского хронографа» и Синодальной № 280. Хотя ученый не опубликовал специальной работы о Хронике, его пометы на полях рукописей и так называемого архивского (принадлежавшего бывшему Архиву министерства иностранных дел в Москве) экземпляра боннского издания Малалы имели неограниченное значение, ибо на них опирались многие русские и зарубежные исследователи. «Карандашные заметки А. Е. Викторова на страницах рассматриваемой рукописи (т. е. «Архивского хронографа». — Э. III.), — писал И. И. Срезневский, — должны быть сохранены как необходимое пособие для изучения ее содержания. Между прочим, они почти совершенно вполне выясняют, что именно есть в этой рукописи из древнего перевода Хронографии Иоанна Малалы и что, где и из какого источника взято в дополнение к ней»¹⁷.

Через 14 лет вышел первый выпуск труда А. Н. Попова, посвященного критическому разбору хронографов, как произведений древнерусской литературы¹⁸. В этом выпуске исследователь рассмотрел хронографы, в которых преобладают южнославянские и византийские источники — прежде всего «Еллинский и Римский летописец» в обеих редакциях.

Составление I редакции «Еллинского и Римского летописца» А. Н. Попов относит к XV в., считая ее болгарской. II редакция (по его мнению, русская) возникла в XVI в. I ред. представлена в работе Попова списками Погодинским № 1437 и Синодальным № 280; II ред. — списком Толстого, F VI.91; Кирилло-Белоз. списком 1/6; Синодальным № 86 и списком бывшей Софийской библиотеки № 1520. Все эти списки относятся к XVI в.

Значение работы Попова заключалось в том, что он осуществил первую, хотя и частичную, публикацию текста Хроники. Сравнивая текст славянского перевода с греческим, ученый пришел к выводу, что в переводе Хроника сохранилась лучше, чем в греческом списке, и поэтому может помочь в восстановлении греческого оригинала.

¹⁷ И. И. Срезневский. Русский исторический сборник XV века Московского главного архива Министерства иностранных дел. — «Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках», вып. LXXXIV. СПб., 1879, стр. 112.

¹⁸ А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866.

Попов же первым указал, что необходимо строгое различие «между Иоанном Антиохийским Малалой и другим, близким к нему византийцем, Иоанном Антиохийцем, отрывки Хронографа которого собраны и изданы К. Мюллером»¹⁹.

Иоанна Антиохийского западные ученые считали автором VII в., а Малалу относили к VIII и даже IX в. После того как Мюллер опубликовал упомянутые сборники фрагментов, вопрос о соотношении обоих Иоаннов окончательно запутался. Попов первый отнес Малалу к VI в., основываясь на высказывании Малалы во вступлении к Хронике: «сказать и мне по истине случившаяся вчисти и в лета царь, вшедша в уши мои, глаголю убо от царства Зиновения и потом царствовавших. Лепо же си иже будет по мне списати, яже по сем благодати дела оказаша, убо прежде писавшей мирское бытие сице суще». Зинон правил в 474—475 и 476—491, Анастасий в 491—518, Юстин I в 518—527 и Юстиниан I в 527—565. «Вот область, — говорит Попов, — доставшаяся в часть Малале как самостоятельному историку, когда он мог писать по преданию, по слуху и как очевидец»²⁰.

Работа Попова вызвала повышенный интерес к славянскому переводу Малалы в первую очередь у византинологов. Славянский перевод стали привлекать для восстановления греческого первооригинала, изучая его именно с этой точки зрения и совершенно не исследуя в чисто русском аспекте.

Несколько позднее древнеславянский перевод Хроники привлек внимание И. В. Ягича именно как памятник славянской литературы ранней поры²¹. Прежде всего ученый обратил внимание на то, что текст Малалы по Архивскому списку, кроме сокращений, по сравнению с греческим, содержит много вставок из различных источников, не имеющих к Малале никакого отношения. Этот факт, а также то, что в «Архивском хронографе» сохранилось только десять книг Хроники, привели его к выводу: «То, что предлагает эта рукопись, не является гладким переводом Хроники Малалы, но представляет собой хронографическую компиляцию, в которой текст Малалы составляет главную часть»²².

Сравнивая отрывки Хроники из «Еллинского и Римского летописца» и «Архивского хронографа», помещенные в трудах Попова и Оболенского, Ягич заключает, что обе славянские компиляции восходят к прототипу славянского перевода, который пропал или не найден. Ягич не считает авторитетной приписку пресвитера Григория, но, не признавая его переводчиком Малалы, не сомневается, что перевод был сделан в эпоху расцвета древнеболгарской литературы.

Вскоре вышло небольшое, но весьма интересное исследование И. И. Срезневского, который рассмотрел те места Хроники Малалы по «Архивскому хронографу», которых нет в Оксфордском списке²³.

По его мнению, составитель русского свода пользовался другой редакцией Хроники, чем переписчик Оксфордской рукописи: «Подлинник, бывший у славянского переписчика, был полнее и кое-где иначе изложен; некоторые места, недостающие в греческом, кажутся не вставками, а местами, бывшими в подлиннике, с которого переводил славянский переводчик»²⁴.

¹⁹ А. Н. Попов. Обзор хронографов..., стр. 5 (см. С. Müller. Fragmenta Historiconum Graecorum, IV. Paris, 1851).

²⁰ А. Н. Попов. Обзор хронографов..., стр. 6.

²¹ V. Jagić. Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung. — «Archiv für slavische Philologie», II, № 3, 1877, S. 4—9.

²² Ibid., p. 5.

²³ И. И. Срезневский. Русский исторический сборник XV века..., стр. 111—139.

²⁴ Там же, стр. 121.

Исходя из вступления к Хронике, И. И. Срезневский, как и Попов, признает Малалу писателем VI в., а славянский перевод относит ко времени болгарского царя Симеона, отмечая ряд болгаризмов в тексте Хроники Архивского списка: «В русскую перепись перевода хроники Иоанна Малалы в рассматриваемом сборнике не могли не войти черты языка русского; но их не столько, чтобы из-за них не виден был перевод таким, как он был: остался и прежний строй языка и прежний подбор слов»²⁵.

В числе источников, послуживших для дополнений к хронике, Срезневский называет св. писание, Георгия Амартола, «Александрию», Иосифа Флавия (причем, не самый текст «Иудейской войны», но так называемый «Иудейский хронограф»), Палею и др. Анализ языка дополнений показал, что они были внесены не позднее XIII в. Датирующая вставка в рукописи сборника: «Лет же имеют от Авимелеха и много роду скверного Совия до сего лета, в ня же начяхом писати книги си есть, лет 3 [тысячи] и 400 и 40 и 6» (т. е. 3446) — позволила отнести составление протооригинала Архивского списка к 1262 г. Следовательно, Малала тогда был уже широко известен на Руси. Но Срезневский допускает, что вставки и дополнения могли быть сделаны и раньше²⁶.

Исследование И. И. Срезневского наряду с трудом М. А. Оболенского стало одной из опорных работ в области изучения Малалы.

Уже через год И. В. Ягич откликнулся на работу Срезневского²⁷.

Высказывания русского ученого о том, что вставки из Амартола в тексте Малалы восходят к готовому славянскому переводу, натолкнуло Ягича на мысль, что «в Московской Архивской рукописи мы вообще имеем дело со славянской компиляцией, одна из составных частей которой, вероятно, представляет *чистый текст Малалы*, когда-то существовавший в славянском переводе»²⁸ (курсив наш. — Э. Ш.)

Это высказывание особенно важно потому, что многие ученые в то время, особенно за рубежом, придерживались совершенно противоположного мнения. Так К. де Боор, на которого Ягич ссылается, считал, что в славянском тексте переведен не Малала, а сделанное из него извлечение, которое, в свою очередь, содержало большое количество интерполяций из Библии и Георгия Амартола²⁹.

В 80-х годах за рубежом появился ряд статей, касающихся славянского перевода Хроники. Г. Хаупт³⁰, вновь отметив большую полноту и сохранность славянского перевода и его значение для восстановления греческого оригинала, перевел на греческий выдержки из Хроники, опубликованные М. Оболенским по Архивскому списку, и сравнил их с Оксфордским текстом. При этом он пришел к выводу, что места, отсутствующие в Оксфордском списке и ошибочно принятые Оболенским за вставки русского составителя хронографа, принадлежат самому Малале.

В этом отношении весьма показательна повесть об Александре Македонском, помещенная в конце VII книги Хроники, которую Оболенский неверно возвел к «Александрии»³¹. Первая часть этого текста читается уже в Оксфордской рукописи, а перечень основанных Александром горо-

²⁵ Там же, стр. 118—119

²⁶ И. И. Срезневский. Русский исторический сборник XV века..., стр. 139.

²⁷ V. J a g i č. Zum altslavischen Malalas. — «Hermes», XV. Berlin, 1880, S. 235—237.

²⁸ V. J a g i č. Zum altslavischen Malalas. S. 236.

²⁹ См. *ibid.*, p. 236. К сожалению, нам не удалось найти работу де Боора, посвященную Малале, на которую глухо ссылаются также Г. Хаупт и К. Фрик (см. прим. 30 и 33).

³⁰ H. H a u p t. Ueber die altslavische Uebersetzung des Joannes Malalas. — «Hermes», XV, 1880, S. 230—235.

³¹ М. А. Оболенский. Летописец Переяславля Суздальского, стр. XXXV.

дов содержит также в «Пасхальной хронике», сведения которой большей частью заимствованы из Малалы³².

Вскоре к повести об Александре Македонском в составе Хроники Малалы обратился германский ученый К. Фрик³³. Он перевел на греческий отдельные выдержки из этого текста (по Оболенскому) и сравнил их с соответствующими местами Оксфордской рукописи и «Пасхальной хроники». В результате он заключил, что эти тексты идентичны только на первый взгляд. Отклонения в параллельных местах нельзя объяснять описками: причина их состояла в использовании различных выдержек из Псевдо-Калисфена, общего источника Малалы и повести об Александре в составе московских рукописей³⁴. Вероятнее всего славянский переводчик, встретив у Малалы выдержки из Псевдо-Калисфена, обратился к этому произведению, из которого и черпал дополнения к соответствующим местам Хроники. Следовательно, по мнению К. Фрика, в противоположность взглядам Г. Хаупта, Малала использовал «Александрию» отнюдь не в том объеме, в каком она содержится в древнеславянском переводе³⁵.

Пристальное внимание к текстуальным особенностям славянского перевода Хроники привело к тому, что отдельные, на первый взгляд частные, вопросы переросли в проблемы центральные. Такова, например, судьба известной славянской глоссы о Свароге и Сварожиче, привлеченной уже Оболенским для датировки болгарского перевода Хроники. Ягич³⁶ пытался на той же основе определить первоначальный состав перевода, а также место и время внесения глоссы. Ссылаясь на Крека, который еще в 1879 г. заметил, что славянский переводчик не следовал рабски греческому оригиналу, но «приспосабливал перевод к воззрениям своего народа»³⁷, Ягич поднял весьма важный вопрос о том, к какой славянской ветви принадлежал переписчик и в какое время он жил³⁸. По его мнению, первый перевод Малалы был выполнен на раннем этапе развития южнославянской литературы, причем переводчик мог познакомиться с греческой хроникой как в виде самостоятельного произведения, так и в составе греческой компиляции. Оболенский предполагал, что имена славянских языческих богов были внесены в перевод еще болгаринном, однако тщательный анализ текста Ягичем показал, что этой мифологической глоссы в составе древнейшего славянского перевода не было.

Ягич обратил внимание, что в «Еллинском летописце» в соответствующем месте этой глоссы нет. Отсюда его вывод: «совершенно определенно, что компилятор летописца не обошел бы молчанием «Сварога», если бы он нашел его в своем тексте»³⁹. Нет упоминания о славянских божествах и в выдержках из Хроники, вошедших в состав Палеи. Ягич считает, что текст Малалы по «Еллинскому летописцу» ближе к архетипу, чем текст по Архивской рукописи, хотя первый и предстает в частично сокращенном виде, и что перевод Малалы пришел в Северную Русь в XII в., где уже новгородский переписчик внес в него черты древней славянской мифологии.

Архимандрит Леонид, изучая состав «Архивского хронографа», высказал новое предположение, согласно которому, в Архивской рукописи содержится не просто древний славянский перевод Хроники Малалы *со вставками* в нее, а славянский хронограф, или точнее — «Еллинский летописец»

³² H. Haupt. Op. cit., S. 233.

³³ C. Frick. Zur Kritik des Joannes Malalas. — «Historische und Philologische Aufsätze, Ernst Curtius, zu seinem 70. Geburtstage gewidmet». Berlin, 1884, S. 53—66.

³⁴ Ibid., S. 64.

³⁵ Ibid., p. 66.

³⁶ V. Jagič. Mythologische Skizzen. — «Archiv für slavische Philologie», IV, 2, 1880, S. 412—427; V, 1, 1880, S. 1—14.

³⁷ G. Krek. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. 1897, S. 99.

³⁸ V. Jagič. Mythologische Skizzen, IV, 2, S. 415.

³⁹ Ibid., p. 417.

болгарской редакции⁴⁰. Автор вслед за Оболенским считает переводчиком Хроники болгарского пресвитера Григория, которому приписывает и перевод Хроники Георгия Амартола и составление той редакции, которая сохранилась в «Архивском хронографе». Полемизируя с А. Н. Поповым, он утверждает, что тот свод, который принято называть «Еллинским и Римским летописцем», в обеих его редакциях был составлен в Древней Руси на основе текста, входившего в состав протооригинала «Архивского хронографа».

Выше уже говорилось, что славянский перевод Хроники Малалы вначале византилисты привлекали как источник для восстановления греческого текста. Отрывки из Хроники, как в переработанном, так и в неизменном виде, рано попал в сочинения других греческих хронистов, срослись с тканью этих сочинений. Поскольку авторы того времени не всегда точно указывали свой источник (византийских писателей с именем Иоанн к тому же было немало), постольку определение авторской принадлежности того или иного места связано со значительными затруднениями, особенно в тех случаях, когда соответствующего отрывка нет в наиболее сохранной Оксфордской рукописи. Трудности реконструкции греческого текста Малалы усугублялись также тем, что личность и годы жизни византийского хрониста тогда не были точно установлены.

В конце 80 — начале 90-х годов значительный интерес в связи с Хроникой Малалы вызвала «Церковная история» Евагрия (вторая половина VI в.). Было замечено, что некоторые выдержки из нее со ссылками на Иоанна Ритора более или менее совпадают с соответствующими местами Хроники Малалы. Л. Ееп и К. Мюллер⁴¹, однако, не сочли возможным отождествить Иоанна Ритора с Малалой.

В середине XIX в. византилисты относили обычно Иоанна Антиохийского к первой половине VII в. Исходя из сравнительного изучения языка и стиля Иоанна Антиохийского и Иоанна Малалы, Сотириадис пришел к выводу, что первый жил в VI в., а второй — не ранее VII в.⁴²

Все эти высказывания зарубежных ученых вызвали серьезную критику со стороны русского византилиста С. П. Шестакова. В своем исследовании, посвященном установлению личности Иоанна Ритора и соотношению славянского и греческого текстов Хроники, сравнивая отрывки из Иоанна Ритора у Евагрия со славянским переводом Малалы по Синодальному списку № 280 («Еллинский летописец» I редакции), Шестаков установил, что Иоанн Ритор и Иоанн Малала — одно и то же лицо⁴³. Поскольку «История» Евагрия была закончена между 592 и 594 гг., совершенно очевидно, что Иоанн Малала жил не позднее первой половины — середины VI в. Сопоставив славянский текст с греческим отрывком Хроники по Эскуриальской рукописи и с фрагментами из Евагрия, ученый возвел «дополнения» славянского перевода к греческому оригиналу.

Вывод Шестакова о Малале как об авторе VI в. был подтвержден В. Г. Васильевским⁴⁴. В датированной рукописи Иоанна Эфесского (506—585) цитата с описанием пожара и других бедствий в Антиохии в конце 525 — начале 526 г. приписана Иоанну Антиохийскому. Васильевский сопоставил эту цитату с греческим текстом Хроники и с более полной

⁴⁰ Леоид, архим. Древняя рукопись. — «Русский вестник», т. 201, апрель 1889, стр. 6.

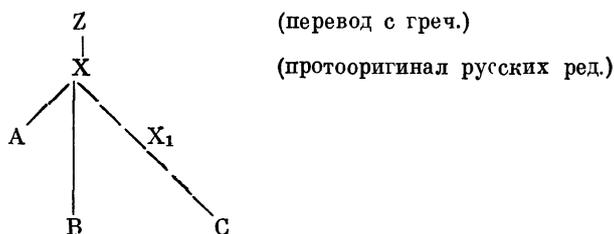
⁴¹ L. J e e p. Die Lebenszeit des Zosimos. — «Rheinisches Museum», 37, 1882, S. 430; C. M ü l l e r. Op. cit., IV, p. 279 sq.

⁴² G. S o t t i r i a d i s. Zur Kritik des Johannes von Antiochia. — «Jahrbuch für classische Philologie», XVI. Supplementband, 1888, S. 1—25, 80.

⁴³ С. П. Ш е с т а к о в. Иоанн Ритор Церковной истории Евагрия. — «УЗ Казанского университета», кн. 5, 1890, стр. 97—132.

⁴⁴ В. Г. В а с и л ь е в с к и й. «Исторический вестник», т. 44, май 1891, стр. 521—522.

списки между собой и с греческим текстом, автор приходит к заключению, что основная, наиболее значительная часть перевода имеет почти дословное сходство, одинаковые пропуски и сокращения по сравнению с греческим списком, а также отдельные искажения текста, которые, по мысли Шестакова, были внесены переписчиком той первой редакции (т. е. ред. X), к которой восходят тексты трех русских рукописей. Таким образом, история русского текста Хроники Иоанна Малалы предстает в следующем виде:

Сопоставление славянского текста Малалы с отрывками, сохранившимися в русских летописях (к сожалению, Шестаков не называет эти летописи), навело автора на мысль, что «еще в этой общей редакции (т. е. ред. X. — Э. III.) перевод Малалы был соединен с извлечениями из других источников»⁵¹.

С предложенной выше схемой разделения славянского текста на редакции вряд ли можно согласиться. Списки здесь слишком явно разбиваются на пары. Д. С. Лихачев указал на порочность такого парного деления. Думается, что ошибка Шестакова заключается уже в самом методе разделения и определения списков. Автор разделяет их на группы по принципу общих ошибок, внесенных переписчиком. Неизбежно получаются «дихотомные схемы», как их называют в западной текстологии. Разумеется, во времена Шестакова не существовало ни этого термина, ни самого понятия, однако приемы здесь приблизительно те же, что и для «метода общих ошибок».

Д. С. Лихачев говорит, что разделение списков на основе общих ошибок неизбежно приведет к парноветвистым схемам, ибо между двумя любыми списками можно найти список, который не будет иметь общих ошибок ни с одним из других списков произведения⁵². Расхождения в текстах «Архивского хронографа» и «Еллинского летописца» (в обеих редакциях) могут идти от разных протографов⁵³.

Шестаков предложил восстановить первоначальный текст перевода путем заполнения пробелов в «Архивском хронографе» за счет фрагментов, сохранившихся в соответствующих местах синодальных списков, и наоборот.

Переходя к дополнениям, исследователь придает особое значение той части славянского перевода, которая содержит I и фрагменты II книги, отсутствующие в Оксфордской рукописи. Он отмечает, что греческие фрагменты, сохранившиеся в рукописях № 1630 и 1336 Парижской национальной библиотеки, а также отрывки, вошедшие в состав «Пасхальной Хроники», «представляют полное сходство с извлечениями из Малалы в славянском переводе Синодального списка № 280 и Архивского»⁵⁴. Славянский перевод содержит здесь некоторые добавления по сравнению с греческим текстом, и Шестаков пытается дать их обратный перевод на греческий.

Учитывая противоречивую оценку взаимоотношений греческого и

⁵¹ С. П. Шестаков. О значении славянского перевода..., стр. 509.

⁵² Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., 1962, стр. 13.

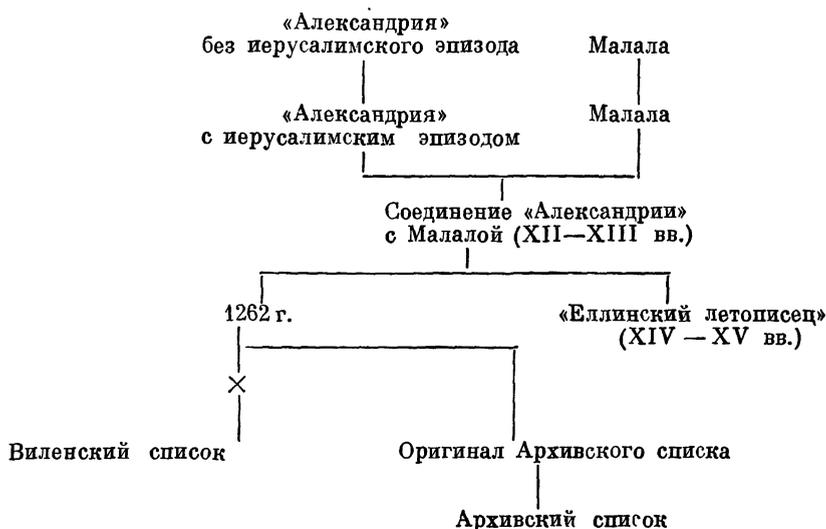
⁵³ Иное разделение на редакции мы надеемся предложить в другой работе.

⁵⁴ С. П. Шестаков. О значении славянского перевода..., стр. 522.

славянского текстов Хроники и отвергая схему Шестакова, следует признать — хотя и с существенными поправками — его методологические принципы плодотворными. При этом, однако, нужно подчеркнуть, что в основу реконструкции первоначального славянского перевода должен быть положен не Архивский, как это предложил Шестаков, а Виленский хронограф, в котором текст сохранился значительно лучше.

После Шестакова соотношения редакций Малалы в связи с изучением истории текстов «Александрии» коснулся В. М. Истрин⁵⁵. Отвечая на вопрос, когда попала «Александрия» в состав Хроники, Истрин считает возможными два варианта: писец или редактор списка 1262 г. (протооригинал «Архивского» и «Виленского» хронографов. — Э. III.) сам включил «Александрию» в текст Малалы или же имел перед собой список, уже ее содержащий. Еще А. П. Попов заметил, что текст Хроники по «Еллинскому летописцу» не совпадает буквально с текстом по Архивской рукописи. Ссылаясь на исследование Попова, Истрин считает возможным, что редактор «Еллинского летописца» имел под рукой не сборник в виде Архивского, а просто текст Малалы. «Текст этот, попав в руки редактора половины XIII века, принял множество вставок, с другой стороны, в XIV — XV вв., к которому следует относить составление «Еллинского летописца», тот же текст Малалы принимает совершенно другие вставки, которые не могут восходить к тому же передельвателю. Выкидывая эти вставки, получаем текст Малалы, в котором на одинаковом месте находится Александрия»⁵⁶. Тексты Малалы по Архивской рукописи и по «Еллинскому летописцу» восходят к общему протооригиналу, который уже включал «Александрию». Во всяком случае, в середине XIII в. она уже входила в состав Хроники, но могла быть связана с ней и раньше, а именно в начале XIII, а то и в конце XII в.

Соединение «Александрии» с Хроникой произошло на славянской почве, причем уже со вставкой из Амартола о вступлении Александра в Иерусалим. Взаимоотношение редакций Малалы, согласно Истрину, выглядит следующим образом⁵⁷:

Различия в редакциях по «Архивскому хронографу» и «Еллинскому летописцу» обусловлены разницей в целевой установке этих сочинений. Составителя протооригинала «Архивского хронографа» в первую очередь

⁵⁵ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893.

⁵⁶ Там же, стр. 128.

⁵⁷ Там же, стр. 136.

интересовала иудейская история, поэтому он и заимствовал из хроники Малалы лишь то, что связано было с историей евреев⁵⁸. Напротив, цель составителя «Еллинского летописца» — изложение всемирной истории, а отсюда совершенно иной подбор материала. Истрин определил Хронику Малалы как «чисто народную книгу, которая назначалась для масс»⁵⁹. Того же мнения придерживался и К. Крумбахер, согласно которому Хроника была написана «не для высоко образованной публики, но для широкой массы монахов и профанов, которых она знакомила в простой и занимательной форме с ходом мировой истории»⁶⁰. Но не только состав Хроники, а и весь ее стилистический строй позволяет называть ее народной книгой. По мнению Крумбахера, это первый большой памятник народного греческого языка⁶¹.

В 1897 г. В. М. Истрин вновь обратился к Хронике Малалы в связи с рассмотрением выдержки из нее, помещенной под 1114 г. в Ипатьевской летописи. Это известный рассказ о Феосте и Дажьбоге. Сопоставив летописный текст с соответствующим местом по «Виленскому» и «Архивскому хронографам», ученый пришел к выводу, что «летописец взял свое сказание уже из готового славянского перевода»⁶², т. е. что «Хроника Иоанна Малалы была известна у нас, во всяком случае, во второй половине XI в.»⁶³

Особое внимание ученого привлекли стоящие перед началом выписки слова летописца: «Аще ли кто сему веры не имеет, да почитеть фронографа». Если учесть, что выписка состоит из двух отрывков, взятых у Амартола и Малалы, причем текст Амартола предшествует тексту Малалы, то возникает вопрос: почему летописец говорит только об одном хронографе, под которым в данном случае нужно разуметь хронику Георгия Монаха, были ли в его распоряжении подлинники хроники Георгия Монаха и Иоанна Малалы или только особый «Хронограф», составленный из текстов этих двух хронистов, типа «Еллинского и Римского летописца»⁶⁴.

Мнения о сводном «Хронографе» придерживался А. А. Шахматов, который различал четыре вида «Летописцев» (называя Архивский и Виленский хронографы IV видом) и возводил их к одному общему первоисточнику, не сохранившемуся сводному памятнику, именуемому им «Древнеболгарской энциклопедией X в.». Согласно Шахматову, эта обширная энциклопедия была составлена из почти всей имевшейся к тому времени в наличности переводной литературы; в Россию она была занесена не позже XI в., и на ее основе возник ряд компиляций, в том числе «Еллинский и Римский летописец»⁶⁵.

Таким образом, уже к концу прошлого столетия появилась довольно обширная литература о славянском переводе Хроники. Причем споры и разногласия достигли такой остроты, что в 1899 г. К. Крумбахер предложил прекратить полемику до появления полного критического издания славянского текста.

Эту работу взял на себя В. М. Истрин. I книгу Хроники он издал в сравнении с греческим текстом по рукописи Парижской национальной библиотеки № 682 (для вступления и §§ I—XXII) и по боннскому изданию

⁵⁸ В. М. Истрин. Александрия..., стр. 351.

⁵⁹ Там же, стр. 355.

⁶⁰ К. Крумбахер. Geschichte der Byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 326.

⁶¹ Ibid., p. 328.

⁶² В. М. Истрин. Хронограф Ипатьевской летописи под 1114 годом. — ЖМНП, ч. 314, ноябрь 1897, стр. 84.

⁶³ Там же, стр. 90.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ А. А. Шахматов. Древнеболгарская энциклопедия X века. — ВВ, VII, 1900, стр. 34.

(для § XXIII). К сожалению, следующие книги были опубликованы на страницах различных изданий, что затрудняло и затрудняет изучение этого произведения⁶⁶.

В основу публикации Хроники Истрин положил текст «Архивского хронографа», использовав также «Виленский хронограф», «Еллинский летописец» обеих редакций (Синодальные списки № 280 и № 86, Погодинский список № 1437), Софийскую рукопись № 1454 (для X кн. «Хронографа»), а также так называемый «Тихонравовский хронограф».

В предисловии к публикации II книги Истрин отметил, что переводчик хорошо знал греческий язык и относился к оригиналу творчески, преследуя не буквальный, но точный по смыслу перевод. В литературе конца XIX — начала XX в. высказывалось мнение, что хроники Амартола и Малалы перевел один переводчик. Анализируя II книгу, Истрин опроверг это суждение, доказав, что Хронику Малалы переводил другой человек.

Ссылаясь на Шестакова, Истрин говорит о том, что автор прототипа, от которого идут обе редакции «Еллинского летописца», сильно сокращал свой источник, тогда как в «Архивском хронографе» вообще нет сокращений, хотя и есть пропуски больших кусков⁶⁷. Именно в силу краткости «Еллинского летописца» ученый избрал как основу для издания более полную редакцию «Архивского хронографа», хотя в нем перевод Хроники кончается X книгой, а «Еллинский летописец» содержит почти все 18 книг.

Среди работ Истрина о Хронике Иоанна Малалы, пожалуй, наибольший интерес представляет его статья, сопровождающая издание X книги Хроники⁶⁸.

Изданные А. Н. Поповым отрывки не всегда тождественны с соответствующим греческим текстом, что заставляло предполагать существование какой-то *особой греческой редакции*, с которой был сделан перевод и которая была более ранней, чем редакция Оксфордского списка. Истрин считает, что иной редакции вообще не существовало, хотя сохранившийся текст и не представляет первоначального вида Хроники. Текст «Еллинского летописца», по которому «прошли, по крайней мере, две редакционных руки», может помочь восстановлению оригинала в значительно меньшей мере, чем «Архивский хронограф». Поэтому трудно определить, откуда происходят отличия «Летописца» от греческого текста: от составителя первоначального текста «Летописца», от редактора, от переводчика Хроники Малалы или уже от греческого протооригинала. Затрудняет восстановление греческого текста также то, что славянский перевод далек от буквализма.

⁶⁶ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. I — Первая книга Хроники Иоанна Малалы. — «Записки имп. АН по историко-филологич. отделению», серия VIII, т. 1, № 3, 1897; кн. II — Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга вторая. — «Летопись историко-филологич. общества при Императ. Новороссийском университете», т. X. Византийско-славянское отделение», вып. VII. Одесса, 1902; кн. IV — Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга четвертая. — Там же, т. XIII, вып. VIII. Одесса, 1905; кн. V — Пятая книга Хроники Иоанна Малалы. — Там же, т. XVI, вып. IX. Одесса, 1910; кн. VI—VII — Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга шестая и седьмая. — «Сборник ОРЯС», т. 89, № 3. СПб., 1911; кн. VIII—IX — Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга восьмая и девятая. — Там же, т. 89, № 7. СПб., 1912; кн. X — Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. — «Летопись историко-филологич. общества при Императ. Новороссийском университете», т. XXII. Одесса, 1913 и отдельное издание: В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Одесса, 1912; кн. XI—XIV — Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книги одиннадцатая—четырнадцатая. — «Сборник ОРЯС», т. 90, № 2. СПб., 1913; кн. XV—XVIII и III — Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книги пятнадцатая — восемнадцатая и приложения. — «Сборник ОРЯС», т. 91, № 2. Пг., 1914.

⁶⁷ В. М. Истрин. Хроника... — «Летопись...», т. X, вып. VII, стр. 440.

⁶⁸ Там же, т. XVII (Приложение).

Фрагменты в Софийской хронике доказывают, что отдельный список полного славянского перевода Хроники когда-то действительно существовал. Но и поныне остается неизвестным, где перевод был выполнен. Мнение о том, что родиной его была Болгария времен царя Симеона, отнюдь не бесспорно: приписка пресвитера Григория перед V книгой «Архивского хронографа» (см. стр. 141) может быть отнесена не к Малале, а к переводу книг Царств. Истрин отметил, что «Еллинский летописец» I редакции мог бы подтвердить болгарское происхождение перевода Малалы, если бы было доказано подобное происхождение самой этой редакции. Но это не доказано. Более того, Хроника Амартола в составе «Летописца» восходит к русскому переводу. Единственным реальным путем определения места перевода Истрин считает изучение языка перевода. Сам он останавливается только на грецизмах, включая в их число и такие речения, которые вряд ли можно рассматривать как собственно грецизмы — ко времени появления перевода они уже срослись с тканью древнерусского литературного языка.

После 1917 г. работа над Малалой продолжалась в основном в направлении реконструкции славянского текста. Советские ученые обнаружили в составе различных сборников новые отрывки, которые не только восполнили пробелы в памятнике, но и пролили новый свет на отдельные связанные с ним проблемы. Д. И. Абрамович нашел в Златоуструе XII в. отрывок из X книги Хроники о прении Петра с Симоном Волхвом. Сличение отрывка с соответствующими местами «Архивского хронографа» и «Еллинского летописца» обеих редакций, а также с греческим текстом по боннскому изданию позволило предположить, что это два различных перевода⁶⁹. Действительно, одни и те же места в составе Златоуструя (ГПБ, F п. I, № 46, лл. 110d—111d) переведены совершенно иначе, чем «Архивском хронографе» или в «Летописце». Это могло бы подтвердить, что Хроника Иоанна Малалы была известна в Древней Руси не только в составе сборников, но и в виде самостоятельного перевода.

Отрывок, найденный М. Н. Сперанским в рукописи Забелина (Сборник второй половины XVII в., лл. 270—301)⁷⁰, восходит к тексту «Архивского хронографа», но в значительно более сокращенном виде. Поэтому для восстановления полного текста славянского перевода он не имеет значения, но дает интересный материал для истории Хроники в русской литературе XVI—XVII вв. На отрывке сказалось влияние западной фавулезной литературы, вероятнее всего, по нашему мнению, фавулеций.

После статьи Сперанского в изучении Хроники наступил почти двадцатилетний перерыв. Исследования возобновились, когда Н. А. Мещерский опубликовал два новых неизвестных ранее отрывка⁷¹. Истрин прошел мимо них, полагая, что Хроника Малалы заканчивается в тексте II книги «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Изучая тексты Архивского и Виленского хронографов, Н. А. Мещерский заметил, что выдержки из X книги Малалы есть и в IV книге «Истории» (главы 10 и 11), где повествуется о провозглашении Веспасиана императором во время его боевых действий против восставших иудеев в Палестине. Первый отрывок читается в конце четвертой части главы 10, второй — в конце пятой части главы 11.

Сравнение отрывков с греческим текстом показало, что переводчик следует греческому подлиннику слово в слово. Эти отрывки, восполняя пропуск в тексте X книги, представляют особую ценность, так как в этой книге довольно много пробелов. Поиски затерявшихся отрывков продолжаются.

⁶⁹ Д. И. Абрамович. Отрывок Хроники Иоанна Малалы в Златоуструе XII в. — «Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского». Л., 1928, стр. 17.

⁷⁰ М. Н. Сперанский. Забелинский отрывок Хронографа с Малалой. — «Сб. статей к 40-летию ученой деятельности А. М. Орлова». Л., 1934, стр. 75—81.

⁷¹ Н. А. Мещерский. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. — ВВ, XI, 1956, стр. 279—284.

В 1966 г. вышло в свет представляющее большой интерес исследование З. В. Удальцовой, в котором подробно рассматривается творческий метод Малалы, его манера использования и обработки античного материала и значение его Хроники для древнерусского читателя^{71а}.

Уже Истрин, как мы упоминали, считал, что решение многих связанных с этим памятником проблем невозможно без тщательного изучения языка перевода. Однако как раз в этом славянском Малале особенно не повезло. В единственной работе, посвященной некоторым синтаксическим конструкциям славянского текста⁷², рассматриваются, к сожалению, более общие проблемы древнеславянского гипотаксиса. Поставленный автором статьи вопрос о синтаксических кальках с греческого в составе славянской Хроники Малалы по существу остался открытым.

Несмотря на большое количество глубоких и интересных исследований, Хроника все еще таит большинство своих загадок. Мы не знаем, когда и в каком виде сочинение византийского хрониста появилось в Древней Руси; где и когда текст его попал в состав различных сводов; какова была его судьба в древнерусской, да и вообще в древнеславянской литературе и т. п. Все эти, а также многие другие проблемы могут быть успешно решены лишь после того, как появится новое критическое издание всех известных текстов славянского перевода Хроники, включая даже небольшие отрывки. Подготовка такого издания должна стать делом ближайшего будущего.

^{71а} З. В. Удальцова. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси.— «Археологический ежегодник». М., 1966, стр. 47—58.

⁷² М. М. Копыленко. Из спостережень над історією гіпотаксису. Гіпотактичні конструкції «Хроніки Іоанна Малали», пам'ятки перекладної літератури X ст.— «Праці Одеського держ. унів. ім. І. І. Мечникова. Збірник філ. фак-ту», т. III, 1953.